Командировка

Страна перевёрнутого ковша

В конце восьмидесятых годов работники ММК помогали налаживать промышленное производство в Нигерии

Бывший начальник кузнечно-прессового цеха металлургического комбината Магнитогорска поделился своими воспоминаниями о жизни и работе в Африке.

Продолжение. Начало в № 58 от 31.05.2018

Малярия и сколопендры

У части нигерийского населения хроническая малярия. Их организм как-то приспособился, а для нас это тяжёлая болезнь. Переносится малярия от человека к человеку через укус комара. Современная медицина располагает лекарствами для лечения этого заболевания. Нас лечили швейцарским делагилом. Генеральный директор стройки обеспокоился большим количеством больных и издал приказ о системе приёма этих таблеток. Получать делагил должен был руководитель коллектива. Например, я – начальник цеха – один раз в неделю получал по семь таблеток на человека и не раздавал их, а ставил банку с таблетками в сейф. В другое место нельзя – нигерийцы украдут. Им делагил не давали, а в аптеках он стоил очень дорого. Перед обедом в цехе я каждому специалисту давал по таблетке, потом командовал «принять» и смотрел, чтоб проглотили. И всё-таки смертельные случаи от малярии среди советских специалистов были.

Вдобавок в этом регионе встречалась ипритная муха. Пролетит она рядом с человеком – и у него появляется гнойный ожог, а если сядет на кожу – то страшно смотреть. Опасались также змей и сколопендр. За три года пребывания в Африке неоднократно сталкивался с живыми или уже убитыми змеями. Они встречались и на заводской площадке, и в городе. Сколопендр видел часто. Это такие большие червяки на сотне маленьких ножек. Длина до 15 сантиметров, ширина около сантиметра. В вечернее время выползают они на асфальт. Человек от сколопендры никогда не страдал, но все слышали, что если проползёт по голому телу, то обожжет кожу. Да и противная она. Поэтому многие при виде сколопендр брали в руки камни…

К ночным бабочкам в Аджаокуте относились иначе. Они в больших количествах летели на свет уличных фонарей. Покрывали сплошным ковром верхнюю часть столбов. Гости страны любовались, а нигерийские мальчишки с мешками лезли на столбы. Набирали бабочек, потом жарили их и ели.

Нигерийские женщины в повседневной одежде с посудою на голове

Марцела и Юрий Варакины с местными жителями на фоне цветущей акации

Коробейник на рынке

Мужчина в ритуальном костюме

Нигерийский пастух

Адмирал и генерал

Как-то к нам приехал губернатор провинции. Обычно одновременно все молоты не работали: не было заказов. Но губернатору решено было показать, как выглядит цех, когда задействовано всё оборудование. К молотам встали и советские, и нигерийские кузнецы. К этому времени мы их уже многому научили. Всем подобрали работу, в печи забросили металл. Ждём. В нужный момент даю отмашку рукой. Ребята достают металл и начинают ковать. Грохот, как и положено в кузнице! Люди в военной форме опешили и задержалась в воротах – такого не ожидали. Впереди стоял губернатор в строгой морской форме адмирала флота. Мой партнёр, начальник цеха мистер Омагоми, представил меня губернатору, и мы вошли в гремящее помещение. Нагревательные печи ревели закрытым в них горящим газом, молоты били по раскалённому металлу, искрами летела окалина. А кузнецы сосредоточено, не обращая внимания на гостей, крутили поковки. Было красиво, но для впервые попавших в кузницу – чуть жутковато. Через год адмирала отозвали на флот, и его гражданский пост занял сухопутный генерал. Мы и ему показали цех в работе. Новому губернатору понравилось, и в конце обхода он даже заулыбался.

Бартер и торговля

Иногда к советским специалистам заглядывали местные коробейники. Предлагали бартерный обмен. Нам было запрещено это делать, но люди не могли удержаться. Коробейник далеко не проходил, садился на пол у двери, открывал чемодан и раскладывал товар. Куски ткани, бусы, деревянные фигурки, маски, барельефы негров и негритянок. Всё это можно было поменять на одежду, обувь, консервы. Особенно из консервов ценилось сухое порошковое молоко. Почему-то местные коровы дают молока мало. Жена интересовалась бусами, тканями, а я – деревянными изделиями. Очень хороши были бюсты молодых африканских мужчин и женщин с шестью косичками. Ещё были популярны маски из лёгкого дерева, которые вешались на стену.

Когда приехали в Нигерию, торговля с местными была в зачаточном состоянии. Нигерийских денег советским специалистам давали на руки очень мало – мы были неплатёжеспособными. И места для торговли не были оборудованы. Продавцы расстилали на земле кусок грязной ткани и раскладывали на ней товар. Покупатели – советские женщины – присаживались, согнув колени, или низко наклонялись. Как-то на еженедельной оперативке генеральный директор стройки Сафонов возмутился неприличными позами женщин и тут же распорядился построить рынок с высокими прилавками, с навесами от дождя. За неделю в Новом городе, где мы тогда уже жили, был построен маркет. К этому времени нам разрешили заказывать часть зарплаты в нигерийской валюте. Торговля закипела. Наше питание резко улучшилось. Появились тропические фрукты: грейпфруты, апельсины, гранаты, папайя и более редкие. Мы начали покупать свежее мясо и рыбу, технику: телевизоры, видеомагнитофоны, фотоаппараты. Не продавалось только спиртное. Было кафе, где мы могли выпить пива – нигерийского производства по немецким рецептам. Джин, ром, виски, бренди продавались в нигерийских лавках. Там была даже водка «Тройка», но не советского производства, с двуглавым орлом на этикетке. В Союзе орёл в качестве эмблемы тогда нигде не использовался. Среди советских специалистов наибольшим успехом пользовался лондонский сухой джин. Это крепкий напиток из хлебных зёрен, настоянный на ягодах можжевельника. Шли разговоры, что при изготовлении в джин добавляют хинин, поэтому он служит профилактическим средством против малярии.

Древняя Окена

Аджаокута не типичный для Африки город. Он был построен на пустом месте в саванне по европейским проектам. Конечно, советским людям хотелось посмотреть настоящий африканский город. Тем более, что можно было съездить на экскурсию. Старинная Окена находилась в 60 километрах от Аджаокуты. Города были связаны современной широкой асфальтовой дорогой с двумя рядами на каждом направлении и чёткой разметкой. Поверхность идеальна: не было ни выбоин, ни наплывов. Дорожных знаков очень мало, но в одном месте перед крутым поворотом стоял оригинальный: череп с перекрещенными костями. Любой поймет, что надо сбросить скорость.

Из окон автобуса мы видели нигерийские деревушки с круглыми домами без окон, стада крупного рогатого скота. В городе стояли одноэтажные дома с несколькими входами и лишь частично застеклёнными окнами. Стены были покрыты грязными пятнами, зелени рядом нет. Впечатление удручающее. Сплошной краснозём, изрезанный дождевыми канавами. Возле домов рядом с дорогой прямо на земле стояли на продажу бывшие в употреблении холодильники, вентиляторы, кондиционеры. Возможно, среди них были и украденные у нас в Аджаокуте. Покупателей я не видел. На окраине подземной канализации не было. Всё стекало по дождевым канавам. В районе городского рынка стоки сбрасывались в открытые бетонные лотки. Мужчины перепрыгивали через них, а женщины переходили по деревянным мосткам. Вода в лотках чёрная, но зловоние не такое, как можно было бы ожидать. Зато люди одеты в яркие, всех цветов радуги, одежды. Африканская толпа очень красивая.

После прогулки по торговым рядам с тканями и женскими украшениями поехали к загородной вилле одного из нигерийских нефтяных магнатов, родившегося и жившего в детстве в Окене. Вилла оказалась окружена пятиметровым забором. Магнат в то время уже жил в Лагосе, а здесь бывал на отдыхе. Не знаю, почему для иностранных туристов проводились экскурсии по его вилле. Казалось бы, частный дом и зачем показывать его посторонним людям? Тем более советским, которые, как сказал поэт В. Маяковский, «на буржуев смотрят свысока»? Так или иначе, но мы попали в число таких счастливчиков. Недалеко от ворот был сделан искусственный водопад. Освежали воздух и ещё несколько фонтанов. От беспощадного солнца защищали пальмы. На территории оказалось несколько скульптур в человеческий рост. Повсюду, не обращая внимания на людей, лениво бродили павлины. Мы были настроены скептически по отношению к показной роскоши богатого человека, но признали, что он создал райский уголок для себя и своей семьи. Посмотреть виллу внутри не удалось. Там шёл ремонт. Зато к нам вышел какой-то человек – судя по одежде, не последнего ранга, и желающие с ним сфотографировались.

Дома лучше!

Это небольшая часть из того, что ещё осталось в памяти, в черновых записках того времени, в фотографиях. Снимки выцвели, потеряли былую красоту. Да и фотографировал я мало. Тогда надо было делать это на плёнку, дорогую, одноразовую. Африка до поездки представлялась нам чудесной, сказочной страной. На деле оказалась интересной, но трудной для жизни и работы, очень специфической. Честно говоря, ещё долгие годы я потом радовался, когда просыпался и не слышал назойливого шума кондиционеров. Ведь это означало, что я дома, а не в Африке.

Юрий Варакин